

*С. Л. Фирсов**

**«НОВАЯ РОССИЯ» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
«СМЕНОВЕХОВСКИХ» ПУБЛИЦИСТОВ
К истории политического самообмана****

Статья посвящена анализу социально-политических и идеологических представлений авторов сборника «Смена вех», увидевшего свет в 1921 г. и вскоре переизданного в Советской России. В статье рассматриваются программные установки идеологов «сменовеховского течения», возникшего в среде русских эмигрантов в начале 1920-х гг. По мнению автора, «сменовеховцев» и их сторонников можно назвать проигравшими в идейной борьбе за «новую Россию». Политические идеалисты, «сменовеховцы» в принципе не могли добиться реализации своих чаяний, поскольку понимали природу Советской власти без учета логики развития большевизма вне «интеллигентского» контекста. В результате, несмотря на верные политические наблюдения и великодержавный патриотизм, они не смогли понять главного: декларируемая «диктатура пролетариата» может переродиться только в диктатуру партии, направление движения которой, именем революции, будет определять идея государственного абсолютизма. Жертвами этого абсолютизма «сменовеховцы» и стали, заплатив жизнью и репутацией интеллектуалов за политический самообман.

Ключевые слова: «Смена вех», «сменовеховцы», национал-большевики, эмиграция, Россия, большевики, коммунизм, партия, Ю. В. Ключников, Н. В. Устрялов, С. С. Лукьянов, А. В. Бобрищев-Пушкин, С. С. Чахотин и Ю. Н. Потехин, А. С. Изгоев, П. К. Губер, А. Б. Петрищев, В. И. Ленин, И. В. Сталин.

* Фирсов Сергей Львович, доктор исторических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; sfirsoff@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00783 «Социально-философская и политическая просоветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20–50-х гг. XX века».

The article is devoted to the analysis of socio-political and ideological representations of the authors of the book «Change of Milestones», which was published in 1921 and soon republished in Soviet Russia. The article considers the program settings of ideologists of the «Smenovekhovskhoe current», which arose among Russian emigrants in the early 1920-s. According to S. L. Firsov, the authors of «Change of Milestones» and their supporters can be called losers in the ideological struggle for «new Russia». Political idealists, the «Smenovekhovtsy», could not in principle achieve the realization of their aspirations, because they understood the nature of Soviet power without taking into account the logic of the development of Bolshevism outside the «intelligent» context. As a result, despite correct political observations and great-power patriotism, the «Smenovekhovtsy» were unable to understand the main: the declared «dictatorship of the proletariat» can be transformed only into the dictatorship of a party whose direction of movement, in the name of revolution, will determine the idea of State absolutism. The victims of this absolutism «Smenovekhovtsy» and became, having paid life and reputation of intellectuals for political self-deception.

Keywords: «Change of Milestones» («Smena vekh»), «Changewechovets» («Smenovekhovtsy»), National Bolsheviks, Emigration, Russia, Bolsheviks, Communism, Party, Y. V. Kluzhnikov, N. V. Ustryalov, S. S. Lukiyarov, A. V. Bobrishev-Pushkin, S. S. Chakhotin, Y. N. Potekhin, A. S. Izgoyev, P. K. Guber, A. B. Petrishev, V. I. Lenin, I. V. Stalin.

В истории политической мысли русской эмиграции т. н. первой волны особое место занимает сборник статей «Смена вех», увидевший свет в июле 1921 г. в Праге. Он дал название известному течению, названному тогда же «сменовеховским». Течение это возникло в результате пересмотра частью представителей русских интеллектуалов роли и значения новой, советской, России, одержавшей победу в Гражданской войне. Поражение «Белого дела» стало тем Рубиконом, перейти который названные интеллектуалы желали во имя воссоздания «великой России». Как они понимали это величие — вопрос особый. Важнее задаться иным вопросом: корректно ли говорить об аберрации их сознания, деформированного фактом военной победы, одержанной большевиками в борьбе с Белыми армиями, равно как и политическими последствиями этой победы?

Прежде чем искать ответа на данный вопрос, вспомним об основных событиях, предшествовавших появлению «Смены вех». К тому времени были одержаны победы над войсками адмирала А. В. Колчака, генералов Н. Н. Юденича, А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. В 1920 г. Красная армия вела активные боевые действия против Польши, что вызвало резкий подъем среди национально настроенного русского офицерства, к которому относился и бывший Верховный главнокомандующий эпохи Великой войны, уважаемый в военных кругах генерал А. А. Брусилов (1853–1926). Взятие поляками Киева (7 мая 1920 г.) и фактическая их поддержка генералом П. Н. Врангелем вызвали у генерала тревогу.

Позже, в воспоминаниях, он писал:

Для меня было непостижимо, как русские, белые генералы ведут свои войска заодно с поляками, как они не понимали, что поляки, завладев нашими западными

губерниями, не отдадут их обратно без новой войны и кровопролития. Как они недопонимают, что большевизм пройдет, что это временная, тяжелая болезнь, наносная муть. А поляки, желающие устроить свое царство по-своему, не задумаются обокромсать наши границы. Я думал, что пока большевики стерегут наши бывшие границы, пока Красная армия не пускает в бывшую Россию поляков, мне с ними по пути. Они сгинут, а Россия останется. Я думал, что меня поймут там, на юге. Но нет, не поняли!.. [3, с. 270–271].

Дело было в том, что война с Польшей воспринималась русскими государственниками, до того категорически не признававшими большевиков, как дело сохранения России; соответственно, ими отрицательно оценивалась и поддержка поляков врангелевским командованием. Болезненно воспринимали государственники и факт присутствия иностранных войск (посланных правительствами Антанты, США и Японии) на территории бывшей Российской империи.

К началу 1920-х гг. взгляд на большевиков как на разрушителей исторической России постепенно стал меняться: в рядах русской эмиграции с ними стали связывать постепенное восстановление ее «величия» и «единства». Разумеется, далеко не все эмигранты именно так смотрели на происходящие в «Совдепии» перемены. Даже введение большевиками новой экономической политики в марте 1921 г. обольстило далеко не всех. Так, П. Б. Струве совершенно отрицал какую-либо возможность экономического восстановления России большевиками. В 1921 г. он писал, что «эволюционировать может только сильная власть и с моральным престижем» [1, с. 84].

И всё же среди русской эмиграции нашлись интеллектуалы, не только поверившие в возможность эволюции, но и постаравшиеся доказать ее неизбежность. Политическими рапсодами этой «новой веры» и стали шесть авторов сборника «Смена вех» — юрист-международник Ю. В. Ключников (1886–1938); правовед и политический философ Н. В. Устрялов (1890–1937); филолог-классик и журналист С. С. Лукьянов (1888–1938); до 1917 г. — крупный деятель партии октябристов, адвокат и публицист А. В. Бобрищев-Пушкин (1875–1937); ученый-биолог, впоследствии — из ведущих теоретиков психологии масс XX в. С. С. Чахотин (1883–1973); наконец, литератор и публицист Ю. Н. Потехин (1888–1937).

За исключением А. В. Бобрищева-Пушкина это были достаточно молодые люди (до сорока лет), пик общественной активности которых пришелся как раз на годы революции и Гражданской войны. Все они были сторонниками и участниками Белого дела, Н. В. Устрялов в течение ноября 1918 г. занимал даже должность управляющего МИД в правительстве А. В. Колчака. Революция, для многих представителей их поколения ставшая своеобразным идеологическим «соблазном», в 1921 г. воспринималась «сменовеховцами» с учетом случившегося в РСФСР «поворота» в сторону «от коммунизма». Выступая в качестве представителей русской интеллигенции, «сменовеховцы», идейным лидером которых стал Н. В. Устрялов, пытались не только громко заявить о своем признании Советской власти, но и объяснить *Urbi et Orbi*, как они понимают свершившееся в России, почему они за интернациональной

«вывеской», торжественно помещенной на фронтоне новой советской России, видят очевидные контуры «вывески» национальной.

Конечно, подобное понимание сформировалось не только благодаря победам, одержанным большевиками на фронтах Гражданской войны, не менее принципиально и то, что за истекшие со времен революции годы трансформации подверглось и само понятие «большевизм», парадоксальным образом противопоставлявшееся «коммунизму». Исследовавший феномен национал-большевизма М. С. Агурский еще в конце 1970-х гг. указывал, что «уже на очень раннем этапе советской власти возникло представление о том, что большевики и коммунисты — не одно и то же. Большевики — это русские, давшие народу землю, в то время как коммунистам приписывали инородческое происхождение и стремление навязать народу новое иго» [1, с. 60].

Русские эмигранты-интеллектуалы, составившие сборник «Смена вех», разумеется, столь примитивно не мыслили, но всё же были склонны сводить большевизм к интеллигентскому максимализму, воспринимая коммунизм скорее как «теорию», привнесенную извне на российскую почву. Они без обиняков утверждали, что русский интеллигент не желает ограничиться «обеспеченным минимумом», мечтая о «героическом максимуме». «Если иметь в виду не конкретную социально-политическую программу, а общее умонастроение русской интеллигенции и вкус ее к особому рода тактике, выявленные “Вехами”, — писал в “Смене вех” Ю. В. Ключников, — то да, совершенно, несомненно русская интеллигенция была по преимуществу большевистской». Дипломированный юрист утверждал, что в русских условиях невозможно не быть истинным революционером и, одновременно, экстремистом. В качестве примера он привел Г. В. Плеханова, допускавшего при необходимости ущемление демократических принципов и утверждавшего, что успех революции и есть высший закон. Русский интеллигент (а Ю. В. Ключников к ним относил и Плеханова, и Ленина) — при минимуме религиозности «всё-таки типичный политический сектант, экстремист, большевик» [6, с. 19, 24].

Продолжая цепь рассуждений, автор статьи «Смена Вех», по которой и было дано название всего сборника, отказывался признать в революции борьбу психологических антитез и антиподов — большевизма и антибольшевизма, — обращая внимание на борьбу «разных типов и разных окрасок в лоне одного и того же интеллигентского большевизма». Получалось, что члены ленинской партии просто были «более подходящими» большевиками, чем все остальные интеллигенты. Объединить же русскую интеллигенцию в общую и единую социальную силу способна только восторжествовавшая революция [6, с. 27].

Похожим образом рассуждал и другой автор сборника — С. С. Лукьянов, анализирувавший возможности создания революционной власти в России. Первым условием он назвал то, что «носителем власти могло быть лишь правительство, образованное из экстремистских — прежде всего в психологическом и тактическом отношениях — элементов» [10, с. 74]. Зная, как «сменовеховцы» воспринимали большевиков, нетрудно догадаться, что «экстремистские элементы» в революционном правительстве представляли собой радикальных интеллигентов, использовавших в качестве «двигателей революции» и своей собственной власти крестьянские и пролетарские массы, а не какой-нибудь один класс.

Впрочем, возвращаясь к теме соотношения понятий «интеллигент» и «большевик», следует признать: «сменовеховцы» видели их неразрывность, черты, друг от друга отделяющей «интеллигента» и «большевика», по мнению «сменовеховцев», не существовало. И «изжить» интеллигенцию не получится, ранее не удовлетворив всех главнейших требований революции, и лишь пределав полный ее путь [6, с. 28].

Перефразируя, можно сказать, что «изживание» интеллигенции следует понимать и как «изживание» большевизма. Последний, судя по всему, в конце революционного пути «самоликвидируется». Ю. В. Ключников прямо об этом не говорит, но прикровенно намекает. Русская революция у него прочно связана с русской интеллигенцией, вместе с которой только и можно «бороться за Россию и ее великое мировое место» [6, с. 29].

Слово произнесено, оно и есть незамысловатый ключ к основным историософским построениям Ю. В. Ключникова. Революция под его пером оказывается инструментом воссоздания великой России — не больше и не меньше, а Ленин — тем, через кого состоится «преодоление» революции. Показательно, что один из первых критиков «сменовеховцев» — «веховец» А. С. Изгоев — уже в январе 1922 г. остроумно заметил, что у Ю. В. Ключникова «при помощи Достоевского и Ницше ученик Маркса и Энгельса превращен <...> в “героя” Карлейля» [5, с. 14].

Действительно, патетическое начало доминирует в большинстве статей «Смены вех», и Ю. Н. Ключников не исключение. Величие интеллигенции он находит лишь в том случае, если благодаря ее жертвам «восторжествует гений революции». Вступая в заочную полемику с П. Б. Струве, он указывает ему на необходимость почувствовать «мистику революции», которая откроет новую, чистую страницу и в истории России, и в истории интеллигенции, которая должна переродиться, стать государственной, ибо ранее была «извне государственной и антигосударственной» [6, с. 33]. А через нее и само Русское государство (именно так — «Русское») «наконец-то станет тем, чем оно должно быть — “путем Божиим на земле”» [6, с. 43].

Однако для осуществления этого интеллигенция должна проникнуться «мистикой государства», предварительно уловив «начала мистического в государстве». Сам Ю. В. Ключников всё важное «уловил» и понял, восторженно утверждая:

Белокаменная Москва с ее сорока сороками — столица Третьего Интернационала. Русский патриарх (Ленин. — С. Ф.) — авторитет для западных коммунистов. Еврей-эмигрант Троцкий глава и кумир самой сильной — и не менее христоролюбивой, чем прежде — армии в мире.

Революция для него — провозвестие грядущего открытия пути «могучего русского либерализма» и появления возможностей для развития «прогрессивного» и «устойчивого» русского консерватизма [6, с. 43, 36].

Перефразируя слова Евангелия от Иоанна, можно сказать, что Ю. В. Ключников, как адепт «новой веры», внушает: вначале было слово, и слово это было у интеллигенции, и слово это — революция. Не замечая (или игнорируя) очевидные заимствования из христианского вероучения, автор по сути

утверждал, что всё было предопределено — «всё вело в России к революции и к большевизму», как священные молитвословия повторяя — «революция и большевизм для России одно». Революция «сакрализовала» большевиков, а большевики придали революции почти неземное измерение («без революции большевики лишь кучка “фанатиков” и “бандитов” — без большевиков революция лишь переворот, бунт, погром, анархии без прорыва в будущее и без надежд на будущее») [6, с. 40].

Вот эту «мистику революции» Ю. В. Ключников и призывал П. Б. Струве, чувствовавшего «мистику государства и нации», понять, а поняв, добавив от себя, — принять «новое небо и новую землю». Надежды на это «новое» не связывались им с политическими образцами западного мира, копировать которые бессмысленно: пока «мы» будем копировать Англию и Америку, те «будут бороться за то, чтобы стать совсем другими». «Новое» же предполагает гибель всего отжившего, в т. ч. и интеллигенции, которая в Ленине «без остатка исчерпывает и изживает себя» [6, с. 41, 42].

Ленин оказывается символом перерождения страны, которая, как герой сказки «Конек-Горбунук», искупавшись в революционных «вареных» и «студеных» котлах, стала лучше прежнего. Как здесь не вспомнить русского литератора И. Клеменса, в сборнике «О смене вех» отмечавшего веру «сменовеховцев» «в колдовство слов, но лишь своих слов. Они, — писал он, — хотят вговорить, ввести не только в общее сознание, но в сознание столь недавних врагов свои магические заклинания, свои мессианские моления». Их магию И. Клеменс называет «мессианско-интернациональной» [18, с. 45].

Ю. В. Ключников начал эти «моления», его собратья по «Смене вех» их продолжили, не ограничиваясь кругом идей, в котором вращались бы мысли о совпадении очередных интересов русской государственности с очередными задачами советской власти. Поэтому они потеряли «почву реальности». Заметивший это И. Клеменс попытался объяснить национально-государственную психологию «восторженного надрыва» «сменовеховцев», указав, что надрыв этот «внутренне сцеплен с психологией мессианизма, с его мистикой особенного душевного уклада: он сцеплен с мистикой национального грехопадения» [18, с. 47].

«Неовехисты», по мнению их критика, дошли до крайнего абсурда, слив воедино максимализм и мессианство, не разобравшись в существовавших различиях и противоречиях. Мистику национального грехопадения И. Клеменс называет результатом иррационального, ирреального вывода из пессимистического национального баланса. «Народ русский, — продолжает он свои рассуждения, — чист во “всей бездне своего падения”, он “в своем унижении могуч”, он Христос “в хулиганском кощунстве внешнего безбожия”. Значит, как никак, в национальном балансе имеются: “падение”, “унижение”, “кощунство”, “безбожие”». Получается, если следовать логике «сменовеховцев», «мессианское впрыскивание морально необходимо погрязшему в греховности народному организму», а сама мистика «Смены вех» «есть кривое зеркало национально-государственного упадка» [18, с. 48, 50–51, 52, 53].

Насколько оправданы подобные констатации, скорее напоминавшие обвинения, особенно учитывая, что делали их не представители русской эмиграции, а жившие в Советской России интеллигенты?

Не будем спешить с ответом, вновь возвращаясь к основной теме сборника и кратко проанализировав основные положения статьи Н. В. Устрялова «Patriotica». В концентрированном виде Н. В. Устрялов излагает «символы веры», которые необходимо иметь в виду тем русским интеллигентам, кто, не разделяя коммунистических идеалов, тем не менее видит в Советской России наследницу и правопреемницу России исторической, а революцию 1917 г. однозначно считает национальной. И для него «мистика» — не пустой звук. Утверждая, что не инородцы правят революцией, а она инородцами, Н. В. Устрялов говорит, что они «внешне или внутренне», но приобщились ««русскому духу» в его нынешнем состоянии» [16, с. 47].

Аналогичные мысли высказывал и Ю. Н. Потехин, предварительно говоривший о том, что «сегодняшнюю Россию», пребывавшую «в голоде, крови, грязи и болезнях», любить трудно, но необходимо: ««полюбите нас черненькими» — полюбите красную Россию красную, другой ведь и нет сейчас». Как и Н. В. Устрялов, не находя ничего случайного в неумолимом развитии революции и констатируя «самое страшное из бесчисленных бедствий эмиграции» — потерю веры в народ, публицист восклицал: в ужасности форм революции «одни хотят усматривать не проявление народного духа, а результат инородческих влияний, коими они объясняют и всю революцию; другие из разрушительности, дикости и безобразия отдельных фактов революции делают вывод о дикости и аморальности народного духа». Но «дух» этот Ю. Н. Потехин видит живым и деятельным. Цитируя Ф. М. Достоевского, писавшего о вершинах и пропастях русской натуры, автор характеризует его в следующей «славянофильской» по форме сентенции: «Убивать можно, а верить в Бога должно». И далее: «...но не только внешними формами; внутренними своими достижениями глубоко национальна, также, русская революция» [13, с. 145, 146, 147, 151].

Подобное понимание революции вызывало откровенный сарказм у советских марксистов, внимательно следивших за творчеством «сменовеховцев». Один из них — Н. Л. Мещеряков, написавший предисловие к российскому изданию «Смены вех», подчеркивал, что авторы «Смены вех» «имеют очень скромное понятие о революции. Для них русская революция — не проявление борьбы классов, а нечто мистическое» [11, с. VI]. В устах марксиста подобная характеристика звучала как приговор, как пример фатального непонимания философии истории. «Идеалистический» подход «сменовеховцев» к развитию социально-политических процессов изначально обесценивал в глазах ученых-марксистов все глубокомысленные рассуждения эмигрантов-интеллигентов о России и ее будущем, заставлял вновь напомнить советским читателям сборника марксистский «символ веры» и «классовый подход» к анализу произошедшей в 1917 г. революции.

Здесь всё было достаточно ясно: согласно марксистской схеме, интеллигенция по своим интересам близко подходит к буржуазии и не заинтересована, в отличие от пролетариата, в уничтожении капиталистического строя. Идеалом буржуазии является парламентский строй, развитие капитализма не мирится с грубым самодержавием. Поэтому и интеллигенция, руководствуясь групповыми интересами, «пылко бросается в борьбу против самодержавия». Но рабоче-крестьянская революция несет для интеллигенции опасность.

Раньше всех это поняли бывшие социалисты, затем перекочевавшие в лагерь кадетов, — авторы сборника «Вехи». Но пролетарская революция свершилась, более того — выстояла. Интеллигенты, ратовавшие за буржуазные свободы, проиграли. Однако «поражение учит. Оно заставляет пересмотреть старые программы», чем «на досуге», по словам Н. Л. Мещерякова, и занялась русская интеллигенция.

«Психология старой интеллигенции, которая после революции 1905 г. перешла в лагерь буржуазии, ею еще не изжита, — утверждал Н. Л. Мещеряков. — А между тем теперь часть этой интеллигенции начинает прокладывать новые вехи на пути, по которому интеллигенция должна уйти из лагеря буржуазии в лагерь революции, социализма».

Почему же эти вехи «прокладываются»?

Очень просто: капитализм завел мир в тупик, выход из которого — пролетарская революция. Дальнейшее существование капитализма ведет к сокращению производительных сил, к уменьшению арены применения интеллигентского труда. Соответственно, правильно понятые интересы и должны привести интеллигенцию в лагерь победоносной революции. Этот переход и намечают в своих статьях авторы «Смены вех» [11, с. II, III, V, XV–XVII].

Так доходчиво изложены социально-политические причины появления сборника. В предисловии Н. Л. Мещеряков не забыл упомянуть и о том, что «сменовеховцы» — типичные националисты, мечтающие о сильной крепкой власти и о Великой России, а также считающие революцию национальной. Националистами были и идеологи «Вех». «Сменовеховцы» пошли далее. Они теперь — национал-большевики, не ушедшие окончательно, но всё-таки уходящие из лагеря буржуазии. «Жизнь учит национал-большевиков», — утверждал Н. Л. Мещеряков, подчеркивая, что они «будут оказывать на интеллигенцию глубоко разлагающее влияние. Всё новые и новые отряды интеллигенции будут уходить из лагеря контрреволюции и пойдут по пути, который авторы книги обставляют теперь своими вехами». Саму книгу суровый критик из марксистского стана, тем не менее, назвал не только крупным литературным, но и политическим явлением [11, с. XIX].

Так читатели предуведомлялись о том, что «сменовеховцы» суть национал-большевики, хотя они в своих статьях, опубликованных в сборнике «Смена вех», этого слова не употребляли. Слово или, лучше сказать, понятие вошло в политический словарь осенью 1921 г. и ввел его непримиримый оппонент «сменовеховства» — П. Б. Струве. Оно прижилось и стало активно использоваться и самими «сменовеховцами», и их критиками — от не признававших «национал-большевистскую» позицию русских эмигрантов до советских идеологических работников и представителей правящей партии.

Хотя апология «мистики революции» и «мистики государства», на которую обращали внимание «сменовеховцы», вызывала откровенные насмешки в правящих кругах большевиков, их «обращение» было для властителей Советской России исключительно важно. Оно свидетельствовало о признании частью эмигрантских интеллектуалов их власти властью подлинно государственной, а их самих — строителями «новой России». Большевики, строившие на разрушенном до основания основании не имевшее в истории примеров

государственное образование, в словах своих недавних противников находили утверждение своей правоты, ведь сказал же Н. В. Устрялов, что «всякое великое историческое событие сопряжено с разрушением», что «культура человечества тем только и жива, что постоянно разрушается и творится вновь» [16, с. 47].

Но главное, он, как заклинание, повторял слова о том, что Россия должна остаться великим государством, подчеркивая, что в ином случае переживавшийся духовный кризис был бы ей непосилен. «И так как власть революции — и теперь только она одна — способна восстановить русское великодержавие, международный престиж России, — наш долг во имя русской культуры признать ее политический авторитет...» А великой культурой, по мнению Н. В. Устрялова, может обладать лишь «физически» мощное государство [16, с. 49, 50].

Завороженный победами большевиков и темпами их государственного строительства, Н. В. Устрялов провозглашал, что

Советская власть будет стремиться всеми средствами к воссоединению окраин с центром — во имя идеи мировой революции. Русские патриоты будут бороться за то же — во имя великой и единой России. При всем бесконечном различии идеологий, практический путь — един... [16, с. 51]

Автор, признавая вождем русской революции Ленина, указывал на два фактора: он и великий утопист и, одновременно, великий оппортунист. Иллюзий Ленин не строит: «...немедленный коммунизм не удался — это ему ясно, и он не скрывает этого. “Запоздала” всемирная революция, а в одной лишь стране, вне остальных, коммунизм не мыслим» [16, с. 53]. Что же далее?

Н. В. Устрялову сие ясно, как Божий день: «...только в изживании, преодолении коммунизма — залог хозяйственного возрождения государства». И Москва, спасая Советы, жертвует коммунизмом. И хотя жертвует лишь «тактически», факт остается фактом. Н. В. Устрялов понимает, что старые свои цели и лозунги социалистической революции большевики сохраняют, что пролетарская власть «твердо удерживает за собою политическую диктатуру», но одновременно с этим принимаются необходимые для хозяйственного возрождения страны меры «буржуазной» природы [16, с. 54].

Тонкий наблюдатель и аналитик, Н. В. Устрялов видит в большевистском «ордене» объединение более сплоченное, дисциплинированное и иерархичное, чем то, что некогда было у якобинцев Французской революции. Да и «Ленин более гибок и чуток, нежели Робеспьер», а «наши крайние якобинцы крупнее и жизненнее французских, хотя в аспекте “быта” (т. е. проведения террора. — С. Ф.) не менее ужасны». Лидер «сменовеховцев» даже высказывает предположение (оказавшееся, впрочем, битым историей), что «они и кончат иначе». Но, главное, «основная линия самой революции, по-видимому, остается в общем тою же». Иначе говоря: термидор неминуем, «перерождение» большевистской власти — безусловно, будет идти и далее. «Ныне есть признаки кризиса революционной истории, — пишет Н. В. Устрялов. — Начинается “спуск на тормозах” от великой утопии к трезвому учету обновленной действительности и служению ей — революционные вожди сами признаются в этом. Тяжелая операция, — но дай ей Бог успеха!» [16, с. 61].

Как видим, надежды на возрождение Великой России связывались Н. В. Устряловым с «перерождением» большевиков, с их вынужденной «жертвой»: коммунизм в обмен на «величие». Насколько логически правильным был подобный ход мысли, как на это реагировал сам «великий утопист и оппортунист» Ленин?

Реакция не заставила себя долго ждать. Уже в марте 1922 г., в письме В. М. Молотову Ленин просит передать пленуму ЦК РКП(б) план будущего его политического доклада очередному партийному съезду, в котором есть и такой пункт: «Приостановка отступления (экономического) и задача перегруппировки сил. Предостережение нам со стороны буржуазии, которая устами сменовеховца Устрялова заявляет, что НЭП не “тактика”, а “эволюция” большевизма» [7, с. 207]. 27 марта 1922 г. Ленин составляет план своей речи, в котором вновь звучат слова: «“Эволюция или тактика”? Устрялов в “Смене век”: полезнее “сладенького комвранья”» [8, с. 213]. В тот же день Ленин выступил с Политическим отчетом ЦК РКП(б), в котором специально затронул «сменовеховский» вопрос и рассмотрел заявления Н. В. Устрялова. Эта часть его речи настолько интересна и важна, что, полагаю, ее следует процитировать.

Я хотел <...> коснуться вопроса о том, что такое новая экономическая политика большевиков — эволюция или тактика? Так поставили вопрос сменовеховцы, которые, как вы знаете, представляют течение общественно-политическое, во главе которого стоят крупнейшие кадетские деятели, некоторые министры бывшего колчаковского правительства, — люди, пришедшие к убеждению, что Советская власть строит русское государство, и надо поэтому идти за ней. <...>

Некоторые из них прикидываются коммунистами, но есть люди более прямые, в том числе Устрялов. Кажется, он был министром при Колчаке. Он не соглашается со своими товарищами и говорит: «Вот там насчет коммунизма как хотите, а я утверждаю, что это у них не тактика, а эволюция». Я думаю, что этот Устрялов этим своим прямым заявлением приносит нам большую пользу. Нам очень много приходится слышать, мне особенно по должности, сладенького коммунистического вранья, «комвранья», кажинный день, и тошнехонько от этого бывает иногда убийственно. <...>

«Я за поддержку Советской власти в России, — говорит Устрялов, хотя был кадет, буржуа, поддерживал интервенцию, — я за поддержку Советской власти, потому что она стала на дорогу, по которой катится к обычной буржуазной власти».

Это очень полезная вещь, которую, мне кажется, необходимо иметь в виду; и гораздо лучше для нас, когда сменовеховцы так пишут, чем когда некоторые из них почти что коммунистами прикидываются, так что издали, пожалуй, не отличишь — может быть он в Бога верует, может — в коммунистическую революцию. Такие же откровенные враги полезны, надо сказать прямо. Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны, надо сказать прямо. <...> Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит. Враг стремится к тому, чтобы это стало неизбежным. Сменовеховцы выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев и советских служащих, участников нашей новой экономической политики. Это — основная и действительная опасность. И поэтому на этот вопрос надо обратить главное внимание: действительно, чья возьмет? [9, с. 242–243].

Я не случайно привел столь обширную цитату из Ленина: в ней явно и недвусмысленно говорится о том, что «сменовеховцы» — всего лишь честные

враги, интересные большевикам тем, что говорят правду, и только. Их представление о строительстве Советской властью русского государства Ленин специально вообще не рассматривал, только раз упомянув. Для большевистского вождя важнее вопрос об «эволюции», о политической «дороге», чем рассуждения о «великой России», здание которой русский народ неизбежно узрит в конце пути. Ленин не был мистиком — ни революции, ни государства. Он не искал и не мог искать «мистические связи», всерьез воспринимая утверждения «сменовеховцев» о том, что «по роковой иронии судьбы, а быть может, по беспристрастному и безошибочному суду истории, русское национальное дело можно сейчас делать не в рухнувшей России “Третьего Рима”, а в России III Интернационала» [13, с. 159].

Так, с легкой руки «сменовеховца» Ю. Н. Потехина, внимание читателя сборника в очередной раз обращалось на «мистику», в данном случае — на «мистику цифр», на сакральное «три». Новая Россия воспринималась как некая «политическая реинкарнация» страны, в основании своем — священной. «Великодержавная политика Советской Власти есть несомненный и уже давний факт. Поэтому весьма грешны перед родиною те, которые стремятся этой политике мешать из слепой ненависти к большевизму», — писал в начале 1922 г., анализируя «Смену вех», литературовед П. К. Губер. Обращаясь к «сменовеховской» идее замещения Третьего Рима III Интернационалом, он отмечал:

...все пути ведут в Рим. Поэтому нельзя удивляться, что и дорога немедленного коммунизма сделала в конце концов поворот в сторону Третьего Рима. За буквами РС.Ф.С.Р. промаячили, как в тумане, древние литеры S.P.Q.R. — инициалы Сената и народа Римского [4, с. 68, 69].

Эти слова произнес человек, несколькими страницами ранее в той же статье писавший, что РСФСР есть государственная организация без Бога и исторических преданий, без национально-государственного эгоизма, указывавший, что Кремль московских царей стал цитаделью Коминтерна. Однако странности в этом П. К. Губер не усматривал, для него всё выглядело вполне естественно, ведь «господствующие классы не могут долго сохранять свое положение, не создавая соответствующей идеологии». Для него «сменовеховцы» — это «неовехисты», не изменившие своим основным принципам, но убедившиеся в том, «что, в силу радикального изменения внешней обстановки, принципы эти должны быть поставлены в зависимость от совсем других реально-исторических сил» [4, с. 60, 61]. Иначе говоря, «сменовеховцы» есть лишь «новое издание» старых интеллигентов, идеологов «Вех». По мнению П. К. Губера, «цвет знамени не определяет собою содержания возглавляемых им интересов. Напротив, есть могущественные, стихийно действующие интересы, способные использовать любое знамя» [4, с. 62].

Вот «сменовеховцы» и используют, получается, красное знамя, сознают свою ошибку, не желая более упорствовать в старых заблуждениях и признавая, что только Советская власть «может осуществить задачи русского великодержавия». Со сказанным следует согласиться, но с одной оговоркой: для большевиков «цвет знамени» определял-таки содержание возглавляемых этим *красным знаменем* интересов. «Сменовеховцы» должны были это увидеть,

не могли не увидеть, но, судя по всему, не желали подчинять, ограничивать собственную политическую мечту декларируемыми большевистской программой идеологическими установками. Восстановление России в ее прежних пределах было «альфой и омегой» «сменовеховских» представлений о советском режиме начала 1920-х гг. Этим представлениям были подчинены и их социологические построения, и психологические оценки.

«Колоссальный рост государственного, национального, экономического и социального сознания народных масс России за время революции, — писал «сменовеховец» С. С. Лукьянов, — вот то неоспоримое и бесконечно ценное, что уже дала нам Великая Русская Революция, построя в мучительном процессе своего творчества мощную социальную базу Новой России». По этой причине «необходимо без предвзятости, с возможным хладнокровием вдуматься в великие русские события и честно протянуть руку помощи Родине, вынужденной историческими условиями искать своего спасения и возрождения такими путями, которые могут и не быть по душе целям категориям ее граждан» [10, с. 77, 78]. К таким категориям можно было отнести и «сменовеховскую» интеллигенцию, о которой, как мы знаем, Ленин был вполне определенного мнения.

Один из представителей этой интеллигенции — А. В. Бобрищев-Пушкин, также внес свою лепту в апологию русской революции, которую видел итоговой, окончательной: «третьей революции не будет» [2, с. 79], — восклицал он, под второй очевидно имея в виду революцию 1917 г. *in corpore*. Для него, как и для других авторов «Смены вех», Советская власть — максимум власти, могущей быть в России, другой и быть не может — «никто ни с чем не справится, все перегрызутся». А. В. Бобрищев-Пушкин пытается быть до конца откровенным, не оправдывая, но и не критикуя политическую систему, сложившуюся при большевиках. «По роковому, быть может, даже неизменному для человечества закону, с уничтожением одной формы рабства немедленно является другая», — пишет он, отрицая при этом представление о Ленине как о фанатике коммунизма и наивно утверждая, что «советский строй — децентрализация» (хотя и говорит, что сей строй — «прямая противоположность парламентаризму») [2, с. 87, 96, 100].

Очарованный победами большевиков в Гражданской войне, утверждая, что Советская власть «укрепилась не благодаря террору, а несмотря на террор», А. В. Бобрищев-Пушкин считает само собой разумеющимся факт «воссоединения Советской властью отторгнутых частей России, начиная с Украины и кончая Грузией». Он убежден: «... в Кремле всякий интернационалист станет государственным: нельзя, управляя страной, не охранять ее». Поэтому-то «Советская власть оправдана, как бы основательны ни были отдельные против нее обвинения» [2, с. 105, 122, 125].

Удивительно, как автор, назвавший статью «Новая вера», не замечал логических противоречий в собственных построениях! Как же может «охранитель» «единой и неделимой» России быть «децентрализатором»? Оказывается — может. Для патриота Великой России ничего невозможного нет. На соединение несоединимого, впрочем, уже тогда, в начале 1920-х гг., внимательные читатели «Смены вех» (из интеллигентского лагеря) обратили внимание. И. Клеменс, например, имея в виду А. В. Бобрищева-Пушкина, не без юмора писал, что

некоторые «сменовеховцы» напоминают «то адвоката в старорусском охабне, с фригийской шапочкой на голове, размахивающего пролетарским флагом, то римлян времен упадка с их домашними Пантеонами». Называя это «умственным гермафродитизмом», характерным для эпохи неустойчивого идейного равновесия, И. Клеменс справедливо, на мой взгляд, замечал: «... всё же центр проблемы не в униатстве, не в двоеверии, не в гермафродитизме, а в том, какая вера истинная — старая или новая» [18, с. 27].

Однако «сменовеховцы» (в т. ч. и А. В. Бобрищев-Пушкин) так вопрос не ставили. Отказываясь называться «двоеверами», они отстаивали, как могли и умели, своеобразно понимаемую веру в народ, через призму этой веры оценивая как достижения, так и перспективные задачи Советской власти, воспринимаемой не как «кислота», разъедающая страну, а как «цемент», ее склеивающий, не как центробежную, анархическую силу, а как силу центростремительную, государственную [2, с. 126].

«Сменовеховцы» верили в то, что социальная революция, начавшись в России, захватит затем и Европу, что старый социальный строй, слой за слоем, осыпается, почва колеблется, и нигде нет покоя. «Совершенно независимо от своей концепции будущего социального строя, — вещал А. В. Бобрищев-Пушкин, — коммунисты являются знаменосцами будущей жизни, трубачами объявленной социальной борьбы. За это их ненавидят, за это их любят. За это ненавидят и любят Россию, ставшую во главе того лагеря, которому суждена победа, ибо он — будущее, а официальная Европа — прошлое. И с Востока вновь сияет свет» [2, с. 126, 128].

После таких слов невольно вспомнишь об идеалах Святой Руси и о Москве как Третьем Риме. Славянофильская утопия, в одеждах кающихся интеллигентских пилигримов, представлялась на суд взыскующих внешнего величия воскресающей России — новой, советской, России. Отдавая дань уважения погибшим в трудную революционную годину героям, проливая «горькие слезы» по «безвинно виновным», А. В. Бобрищев-Пушкин отдавал свою любовь «одной грядущей жизни человечества». «Одной ей — новая вера» [2, с. 129], — восклицал он, выступая в неблагодарной роли непрошенного большевиками политического проповедника.

Признание в любви и указание на основные положения своей веры должны были свидетельствовать о том, что «интеллигенция» протягивает «народу» руку и готова вместе с ним строить светлое здание возрождаемой страны. В этом (и только в этом) смысле можно назвать «сменовеховцев» и «неонародниками». Если согласиться со словами И. Клеменса о призвании интеллигенции вырабатывать в народном организме «идеологическую эмульсию», которая, с любовью к народу поднесенная, есть целебное средство [18, с. 55], то можно понять патетику «сменовеховцев», не разделявших «народолюбия» и идей великодержавного патриотизма, можно понять мотивы их публичного «покаяния» за прошлые политические «грехи». Наконец, можно оценить их призыв — «В Каноссу!»

Именно так назвал свою статью «сменовеховец», ученик великого физиолога И. П. Павлова С. С. Чахотин. Как и его собратья по сборнику, он призывал русскую интеллигенцию способствовать процессу собирания и упрочения

России, полагая, что ее патриотический долг не только отказаться от вооруженной борьбы с Советами, но и бороться со всякими попытками и далее «дезорганизовывать и разваливать нашу родину» [17, с. 135]. С. С. Чахотин громко и без колебаний обратился к пребывавшей в эмиграции интеллигенции с кличем: «Довольно! Назад! Мы здесь чужие. Чтобы там, дома, ни было, как там ни тяжело, но там — наша родина!». Открыто признаваясь в своих ошибках (т. е. в ошибках интеллигенции), он восклицал: «Идем в Каноссу!» Да, признавал он, «большевизм с его крайностями и ужасами — это болезнь, но вместе с тем это закономерное, хоть и неприятное, состояние нашей страны в процессе эволюции. И не только всё прошлое России, но мы сами виноваты в том, что страна заболела» [17, с. 137, 138].

Коллективная ответственность за болезнь страны и вера в ее выздоровление — вот основные тезисы, которые автор, равно как и другие участники «Смены вех», пытался выставить в качестве причины своего покаяния. Они верили в «преображение» России и надеялись на то, что оно будет происходить эволюционно. Иначе говоря, веру питала надежда на преодоление коммунизма и появление новой России. Не случайно, рассматривая работы «сменовеховцев», А. С. Изгоев замечал, что они, может быть, бессознательно, обожествляют государство, напоминая римских республиканцев, обожествлявших цезарей. «С этой точки зрения “Смена вех” является одним из симптомов крепнущих бонапартистских, цезаристских настроений», — писал А. С. Изгоев, чуть ниже оговариваясь: «...скрытые в нем цезаристские соблазны едва ли окажутся столь сильны, как надеются некоторые авторы» [5, с. 22, 24].

Надежда, как показало последующее развитие событий, действительно оказалась посрамлена: «бонапартизма» не получилось, а контуры сталинской диктатуры «сменовеховцы», и не только они, в то время не могли себе даже представить.

Однако клич прозвучал и произвел на большевиков впечатление — как клич поверженного идейно врага. Именно большевики устами Ленина дали понять, как они понимают «сменовеховство», этот новый вариант «большевизма»: «национал-большевизм». Ни о каком политическом примирении со «сменовеховцами» речь не шла и идти не могла. По справедливому замечанию И. Клеменса, если в «Смене вех» была известная идеология и определенная историософия, основанная на идейных ценностях и догматах исповедуемой веры, «то это не Каносса, это не новообращение» [18, с. 31]. Аналогичным образом характеризовал интеллигентский призыв и А. Б. Петрицев, открыто издававшийся над обвинением интеллигенции в большевизме («наслушались мы и этого. И тоже обрыдло. Если уж обвинять, то начинайте с Петра I») и замечавший:

...в Каноссу может погнать и внешняя необходимость, и внутренняя потребность. Но, во всяком случае, это — тяжелая операция. И, подвергаясь ей, серьезные люди стараются обойтись без герольдов, без фанфар, без восторженных словоизвержений... [12, с. 81]

Действительно, «исповедание» своей веры невозможно признать «обращением» в новую веру, Каносса предполагает не соглашение с авторитетом,

а полное ему подчинение. Потому-то, думается, «национал-большевизм» и не воспринимался большевиками как «большевизм». Похожесть слов не означала совпадения, хотя бы частичного, понятий, как не совпадают по существу понятия «милостивый государь» и «государь император». И после 1922 г. большевики видели в «сменовеховцах» / национал-большевиках только врагов, хотя и «разоружившихся».

Примечательны в этой связи высказывания И. В. Сталина в 1925 и в 1926 г. 18 декабря 1925 г. он вспомнил о них, делая Политический доклад ЦК ВКП(б) XIV съезду партии. «Сменовеховство — это идеология новой буржуазии, растущей и мало-помалу смыкающейся с кулаком и со служилой интеллигенцией», — утверждал И. В. Сталин, поясняя делегатам, что суть ее в том, что коммунистическая партия должна переродиться, а новая буржуазия — консолидироваться, что большевики должны подойти к порогу демократической республики и перешагнуть его с помощью какого-нибудь «цезаря». Высмеивая саму идею «перерождения» партии, И. В. Сталин вспомнил Н. В. Устрялова:

Устрялов — автор этой идеологии. Он служит у нас на транспорте. Говорят, что он хорошо служит. Я думаю, что ежели он хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении нашей партии. Мечтать у нас не запрещено. Пусть себе мечтает на здоровье. Но пусть он знает, что, мечтая о перерождении, он должен вместе с тем возить воду на нашу большевистскую мельницу. Иначе ему плохо будет [15, с. 341–342].

Всё сказано по сталински ясно и без обиняков: пока «возит воду», может мечтать, и всё.

Год спустя, 13 декабря 1926 г., в заключительном слове по докладу на VII расширенном пленуме ИККИ, И. В. Сталин вновь вспомнил об Н. В. Устрялове, задав риторический вопрос и немедленно на него ответив:

Кто такой Устрялов? Устрялов — это представитель буржуазных специалистов и вообще новой буржуазии. Он — классовый враг пролетариата. Это бесспорно. Но враги бывают разные. Есть классовые враги, которые не мирятся с Советской властью и добиваются ее свержения во что бы то ни стало. Есть и такие классовые враги, которые мирятся, так или иначе, с Советской властью. Есть враги, которые стараются подготовить условия для свержения диктатуры пролетариата. Это — меньшевики, эсеры, кадеты и прочие. Но есть и такие враги, которые сотрудничают с Советской властью и борются против тех, которые стоят на точке зрения свержения Советской власти, надеясь на то, что диктатура будет помаленьку ослабевать, перерождаться и пойдет потом навстречу интересам новой буржуазии. К последней категории врагов принадлежит Устрялов [14, с. 69].

Как видим, мечтатели о «новой России», придя в большевистскую Каноссу, оказались на положении интеллектуальных работников, трудом которых пользуются, но которых считают врагами. Унизительное положение для тех, кто в первые же месяцы НЭПа забил «патриотическую тревогу» и стал искать «лекарства», позволявшего России скорее «выздороветь». Прав оказался А. С. Изгоев, с самого начала заметивший, что «рецепты, прописываемые пражскими лекарями, дают мало надежды на выздоровление больного» [5,

с. 55]. Не помогли «лекарства» и самим лекарям. Их последующая судьба стала горьким тому доказательством и примером.

Николай Васильевич Устрялов, в 1926–1935 гг. находившийся в качестве советника на КВЖД и затем вернувшийся в Москву, где работал профессором экономической географии, в 1937 г. был арестован, обвинен в шпионаже, контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации и расстрелян. Реабилитация состоялась лишь в 1989 г.

Юрий Вениаминович Ключников, в 1923 г. вернувшийся в РСФСР, до февраля 1934 г. преподавал, работал консультантом в Наркомате иностранных дел, сотрудничал в журнале «Международная жизнь». Постановлением особого совещания при НКВД СССР от 25 февраля 1934 г. за «антисоветскую агитацию» был выслан на три года в Карелию. В 1937 г. арестован, обвинен в участии в контрреволюционной шпионско-террористической организации. Его имя было включено в сталинский расстрельный список, датированный 3 января 1938 г. Сведения о посмертной реабилитации отсутствуют.

Сергей Сергеевич Лукьянов, вернувшись на Родину, занимался журналистской деятельностью, был главным редактором московского «Journal de Moscou». В 1935 г. подвергся аресту и «за активное участие в контрреволюционной группе» заключен в лагерь на пять лет. При отбытии наказания в УХТПЕЧЛАГЕ тройкой НКВД СССР «за контрреволюционную агитацию и прославление фашистского режима» приговорен к расстрелу (статья 58–10). В феврале 1938 г. расстрелян. Реабилитирован во второй половине 1950-х гг.

Александр Владимирович Бобрищев-Пушкин вернулся в 1923 г. в Петроград, где состоял членом коллегии защитников. С 1933 г. числился пенсионером, что не помешало властям в начале 1935 г. подвергнуть его аресту, обвинив в терроризме и приговорив к расстрелу. С учетом возраста и того, что он лишь допускал «террористические высказывания», расстрел заменили на 10 лет лагерей. В октябре 1937 г., однако, «тройка» УНКВД Ленинградской области приговорила его к расстрелу и расстреляла. Еще раньше по сфальсифицированному обвинению в подготовке убийства С. М. Кирова был арестован, осужден и расстрелян его сын — Борис Бобрищев-Пушкин (16 апреля 1934 г.). Реабилитирован А. В. Бобрищев-Пушкин в 1963 г.

Юрий Николаевич Потехин вернулся в 1923 г., работал в ВСНХ, консультировал институт «Атлас мира», издал несколько литературных произведений. В 1937 г. был арестован, обвинен в «контрреволюционной агитации» (статья 58–10) и тогда же расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Сергей Степанович Чахотин в Советскую Россию в 1920–1930-е гг. не возвратился, хотя и получил советское гражданство. Работал на Западе. В СССР вернулся в 1958 г., работал научным сотрудником последовательно в Институте цитологии, Институте биофизики, Институте биологии развития Академии наук СССР. Он оказался последним «сменовеховцем», которому суждено было пережить разоблачение «культы личности» и увидеть плоды «развитого социализма». На всякий случай, дабы С. С. Чахотин не рассказал об увиденном, его не выпускали на конференции за пределы СССР.

Каков же общий итог? Как нам оценить мечтания о «новой России» видных представителей «сменовеховского» движения, пятеро из которых закончили

жизнь в застенках того государства, о возрождении которого они столь красиво и страстно писали в 1921 г.?

...Бывают времена, когда непременно нужен мальчик, который сказал бы:
— Смотрите, король голый.

Нужен такой мальчик и теперь. Нужен потому, что сохраняется гипноз, будто короли нашей междоусобицы, начавшейся при определенной и ныне уже стертой ходом событий исторической обстановке, всё еще имеют на себе какое-то одеяние.

До некоторой степени сменовеховцы и выполняют роль мальчика из старой сказки. В том и секрет, почему их книжка, никого не удовлетворившая <...>, всё же остается на виду. Но прорвут ли сменовеховцы круг гипноза — не знаю [12, с. 83].

Эти слова в 1922 г. произнес А. Б. Петрищев, автор статьи «Чужие земляки», посвященной «сменовеховцам». В отличие от последних, стремившихся вернуться в Россию и вскоре вернувшихся, А. Б. Петрищев осенью того же 1922 г. был выслан за пределы пролетарского государства. Такая же судьба постигла А. С. Изгоева и И. Клеменса. О том, прорван ли «гипноз», А. Б. Петрищев мог судить уже «оттуда». К сожалению, неизвестно, как впоследствии он оценивал возможность чаемого им в 1922 г. «прорыва». Но, глядя из дня сегодняшнего, имея перед глазами опыт истории XX в., мы можем сказать: прорвать «гипноз» «сменовеховцам» не удалось.

Да и были ли они теми самыми «сказочными мальчиками», которые должны появляться в нужное время в нужном месте? Их политическая «наивность» в данном случае не должна приниматься в расчет. Скорее, «сменовеховцев» следует называть не «сказочными мальчиками», а «политическими модельерами», шившими для «голого короля» фантастический наряд в твердой уверенности: этот наряд непременно будет востребован, ибо таковы предугаданные ими «веяния моды».

Можно охарактеризовать их и более жестко, сравнив с гоголевской унтер-офицерской вдовой.

Но все эти определения, сделанные по прошествии почти ста лет со времени опубликования «Смены вех», думается, всё равно не дадут нам возможности адекватно оценить ту личную трагедию, которую волею сверхличных обстоятельств пережили идеологи «сменовеховского» течения. Их политические прозрения оказались полностью верны только в одном: «новые ужасы», через которые пришлось-таки пройти русской интеллигенции, старая интеллигенция не пережила — она стала, как и предрекал Ю. В. Ключников, «совершенно новою». Большевики доказали и «сменовеховцам», и всему миру, что они способны «действительно властвовать», что они тверды как сталь в своем стремлении одолеть не только анархизм масс и собственный «фанатический утопизм», но и «утопизм» «сменивших вехи» русских интеллигентов, принеся их в жертву государственному абсолютизму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агурский М. Идеология национал-большевизма. — Paris: YMCA-PRESS, 1980. — 325 с.
2. Бобрищев-Пушкин А. В. Новая вера // Смена вех: Сборник статей: Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина. Июль 1921 г. — Прага; Смоленск: Заводоуправление Полиграфической промышленности гор. Смоленска, 1922. — С. 79–129.
3. Брусилов А. А. Мои воспоминания. — М.: ОЛМА ПРЕСС, 2004. — 448 с.
4. Губер П. К. Судьбы Третьего Рима // О смене вех. — Пг.: ЛОГОС, 1922. — С. 57–69.
5. Изгоев А. С. «Вехи» и «Смена вех» // О смене вех. — Пг.: ЛОГОС, 1922. — С. 7–24.
6. Ключников Ю. В. Смена Вех // Смена вех. Сборник статей: Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина. Июль 1921 г. — Прага; Смоленск: Заводоуправление Полиграфической промышленности гор. Смоленска, 1922. — С. 3–44.
7. Ленин В. И. Письмо В. М. Молотову о плане политдоклада на XI съезде партии // Ленин В. И. Соч. — М.; Л., 1931. — Т. XXVII: 1921–1923. — С. 207–208.
8. Ленин В. И. План речи на 27.III. 1922 // Ленин В. И. Соч. — М.; Л., 1931. — Т. XXVII: 1921–1923. — С. 213–218.
9. Ленин В. И. Политический отчет Центрального Комитета РКП(Б.) 27 марта // Ленин В. И. Соч. — М.; Л., 1931. — Т. XXVII: 1921–1923. — С. 223–259.
10. Лукьянов С. С. Революция и власть // Смена вех. Сборник статей: Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина. Июль 1921 г. — Прага; Смоленск: Заводоуправление Полиграфической промышленности гор. Смоленска, 1922. — С. 62–78.
11. Мещеряков Н. Вместо предисловия. Новые вехи. (О сборнике «Смена вех») // Смена вех. Сборник статей: Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина. Июль 1921 г. — Прага; Смоленск: Заводоуправление Полиграфической промышленности гор. Смоленска, 1922. — С. I–XIX.
12. Петрищев А. Б. Чужие земляки // О смене вех. — Пг.: ЛОГОС, 1922. — С. 70–83.
13. Потехин Ю. Н. Физика и метафизика русской революции // Смена вех. Сборник статей: Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина. Июль 1921 г. — Прага; Смоленск: Заводоуправление Полиграфической промышленности гор. Смоленска, 1922. — С. 145–159.
14. Сталин И. В. Заключительное слово по докладу на VII расширенном пленуме ИККИ 13 декабря 1926 г. // Сталин И. В. Соч. — М.: Государственное изд-во политической литературы, 1948. — Т. 9. — С. 62–151.
15. Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XIV съезду ВКП(б) 18 декабря 1925 г. // Сталин И. В. Соч. — М.: Государственное изд-во политической литературы, 1947. — Т. 7. — С. 261–352.
16. Устрялов Н. В. Patriotica // Смена вех. Сборник статей: Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина. Июль 1921 г. — Прага; Смоленск: Заводоуправление Полиграфической промышленности гор. Смоленска, 1922. — С. 45–61.
17. Чахотин С. С. В Каноссу! // Смена вех. Сборник статей: Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина. Июль 1921 г. — Прага; Смоленск: Заводоуправление Полиграфической промышленности гор. Смоленска, 1922. — С. 130–144.
18. Clemens. J. Новые вехи и русская государственность // О смене вех. — Пг.: ЛОГОС, 1922. — С. 25–56.